

О слове *полусонок*
(родительный
множественного)
в “Грифельной оде”
О. Э. Мандельштама

On the word *polusonok*
(Genetivus pluralis)
in the “Grifel’naja
oda” (“Slate ode”)
by Osip Mandel’štam

**Борис Андреевич
Успенский**

Национальный исследовательский
университет “Высшая школа экономики”
Москва, Россия

Boris A. Uspenskij

National Research University Higher
School of Economics
Moscow, Russia

Резюме

Статья посвящена структуре и значению слова *полусонок*, созданного О. Э. Мандельштамом. Восстанавливается деривационная история этого слова и показывается, что оно призвано выражать *plurale tantum*.

Ключевые слова

Мандельштам, “Грифельная ода”, неологизмы, *pluralia tantum*

Abstract

The article is concerned with the structure and the significance of the word *polusonok* created by O. E. Mandel’štam. The author reconstructs its derivational history and demonstrates that the word was created for expressing a *plurale tantum*.

Keywords

Mandel’štam, “Grifel’naja oda” (“Slate ode”), neologisms, *pluralia tantum*

Первая строфа “Грифельной оды” О. Э. Мандельштама в ее окончательной редакции 1923 г. оканчивается словом *полусонок*. Как показывает синтаксис фразы, это слово представляет собой форму родительного падежа множественного числа:

На мягком сланце облаков
Молочный грифельный рисунок —
Не ученичество миров,
А бред овечьих полусонок.

В первоначальной редакции “Грифельной оды” на месте *полусонок* стояло слово *огневицы* (родительный единственного), которое рифмовалось с *зарницы*:

На мягком сланце облаков
Молочных грифелей зарницы
Не ученичество миров,
А бред овечьей огневицы!¹

Ключевую роль в этих исправлениях имело, по-видимому, слово *полусонок*, и именно к нему была подобрана рифма *рисунок* (а не наоборот). В самом деле, замена слова *зарницы* на *рисунок*, уточняя смысл, по существу, не меняет его: утрачивается лишь метафоричность выражения. Напротив, при замене слова *огневицы* на *полусонок* смысл меняется: *огневица* означает горячку, и, соответственно, *бред овечьей огневицы* означает горячечный бред; между тем, *бред овечьих полусонок* говорит не о воспаленном, болезненном состоянии, а о полусонном коллективном сознании (ср. интерпретацию этой строфы: [Ronen 1983: 44–45])². Первоначально выбор слов для рифмы в цитированных стихах определялся ассоциативным мышлением: *зарницы* и *огневицы* близки по внутренней форме, оба слова образованы от корня, означающего свет. В дальнейшем, однако, Мандельштам отказывается от такого сближения и сосредотачивается на содержании рифмующихся слов. Так появляется *полусонок*.

Итак, слово *полусонок* явилось результатом осознанного выбора, отражая творческие искания поэта. Чтобы точнее выразить свою мысль, поэт пожертвовал точностью рифмы. “В результате правки, — говорит М. Л. Гаспаров, — возникает диссонансная рифма *рисунок* : *полусонок*, необычная для Мандельштама и вообще для всей русской поэзии (кроме

¹ [Гаспаров 1995: 158, 166; Мец 2011: 180, 184, 188, 190, 192]. См. фототипическое воспроизведение черновой рукописи с авторской правкой, где внесены соответствующие исправления: [Мец 2011: 213, ил. 11].

² Может быть, не случайно Мандельштам ставит восклицательный знак после слова *огневицы* и снимает его, заменяя *огневицы* на *полусонок*.

имажинистской [. . .]). Может быть, здесь она играет иконическую роль: расплывчатая рифма изображает расплывчатое сознание беспамятных *овечьих полусонок*” [Гаспаров 1995: 167].

При этом слово *полусонок* придумано Мандельштамом: это смелая инновация, затрагивающая грамматику русского языка. Если обычно неологизмы у Мандельштама относятся к лексике, то в данном случае мы наблюдаем грамматический (морфологический) неологизм.

Образование этой формы — иначе говоря, ее деривационная история — кажется загадочным. Коль скоро *полусонок* представляет собой форму род. падежа мн. числа, исходная форма этого слова восстанавливается как **полусонка* (им. падеж ед. числа). Это слово не зафиксировано в словарях. Если же предположить, что исходной формой является **полусонок* (им. падеж ед. числа), т. е. уменьшительное от *полусон*, то в род. падеже мн. числа ожидалось бы **полусонков*, а не *полусонок*, как у Мандельштама (т. е. должно было бы быть **бред овечьих полусонков*)³.

Очевидно, что *полусонок* в конечном счете восходит к слову *полусон*. Очевидно также, что *полусонок* — это уменьшительная форма, каким-то образом восходящая к *полусон*. Но каким именно образом?

Надо полагать, что *полусонок* (род. падеж мн. числа) непосредственно образовано не от формы ед. числа — такой, например, как **полусонок* или **полусонка* (им. падеж ед. числа) — а от формы мн. числа **полусонки* (им. падеж мн. числа), которая трактовалась как *plurale tantum* (т. е. как слово, не имеющее формы ед. числа). Слово *полусонки* выступает при этом как уменьшительная форма от *полусны*.

В обычном случае исходная форма *полусон* сначала должна преобразиться в уменьшительную форму, чтобы затем от этой последней формы образовалась форма род. падежа мн. числа; но тогда в итоге мы получаем **полусонков*, а не *полусонок*. Последовательность преобразований при этом выглядит таким образом:

полусон (им. ед.) > *полусонок* (им. ед.) > *полусонков* (род. мн.).

Между тем, последовательность преобразований у Мандельштама другая:

полусон (им. ед.) > *полусны* (им. мн.) > *полусонки* (им. мн.) > *полусонок* (род. мн.).

³ В некоторых словах муж. рода родительный множественного совпадает с именительным единственным, но такие слова в большинстве случаев относятся к категории личных существительных (например, *человек, солдат, турок* и др.) или обозначают парные объекты (например, *носок, чулок, валенок, ботинок* и т. п), см.: [Зализняк 1967: 228; Успенский 2004: 36–38]. Очевидно, что *полусонок* к таким словам относиться не может.

Таким образом, уменьшительная форма родительного множественного (*полусонок*) образована непосредственно от соответствующей (уменьшительной) формы именительного множественного (*полусонки*), а не от уменьшительной формы именительного единственного (*полусонок*). В свою очередь, уменьшительная форма именительного множественного (*полусонки*) образована от обычной (неуменьшительной) формы именительного множественного (*полусны*), а не от формы *полусонок*.

Итак, слово *полусонки* (отразившееся в форме род. мн. *полусонок*) трактуется у Мандельштама как *plurale tantum*, т. е. как слово, не имеющее формы ед. числа. Такая трактовка может основываться на представлении, что овцы видят общий, коллективный сон. Ср.: “Этот сон и не-сон (*полусонки*) недаром назван «овечьим» — здесь субъект еще не выделен из некоторого массивного человеческого континуума. . .” [Сегал 1972: 71]⁴.

Создавая неологизм *полусонки* (им. мн.), отразившийся в форме род. мн. *полусонок*, Мандельштам мог интуитивно исходить из периферийной группы слов, которые в уменьшительной форме представлены только во мн. числе при отсутствии соответствующей (уменьшительной) формы ед. числа. Так, например, слово *детушки, ребяточки, ребятушки, ребятки, дровишки* и т. п. (им. мн.) не имеют соответствующей формы ед. числа (**детушко, *ребяточко, *ребятушко, *ребятко, *дровишко*). Исторически эти слова образованы от слов в форме ед. числа, но в современном языке соответствующие формы ед. числа неупотребительны, и, соответственно, слова в форме мн. числа предстают как *pluralia tantum*. По аналогии с такими словами и могла появиться форма родительного множественного *полусонок*.

⁴ О. Ронен — кажется, единственный исследователь, который пытался объяснить это слово, — рассматривает слово *полусонок* как “*a hapax legomenon* and apparently a neologism, created by blending *полусон* and *просонки*” [Ronen 1983: 99]. В Грамматическом словаре А. А. Зализняка *спросонок* определяется как несклоняемое слово, слово же *просонок* вообще незарегистрировано [Зализняк 1977: 474]. Слово *просонки* во мн. числе, как указывает Ронен, встречается у Брюсова в стихотворении “Волшебное зеркало” (1922): “Октябрь загудел в просонки.” — но в *просонки* (*впросонки*) представляет собой, по видимому, фразеологизм (ср. *спросонья*). От слова *спросонок*, если бы оно склонялось, ожидалась бы форма род. множественного **спросонков*; равным образом от несуществующего слова **просонок* ожидалось бы **просонков*. Слово **просонки* (им. падеж мн. числа), если бы оно воспринималось как *plurale tantum*, вероятно, давало бы в род. падеже мн. числа **просонок*. Объяснение Ронена кажется слишком сложным и произвольным.

Библиография

Гаспаров 1995

Гаспаров М. Л., «Грифельная ода» Мандельштама: история текста и история смысла», *Philologica*, 2, 3–4, 1995, 153–193.

Зализняк 1967

Зализняк А. А., *Русское именное словоизменение*, Москва, 1967.

——— 1977

Зализняк А. А., *Грамматический словарь русского языка: Словоизменение*, Москва, 1977.

Мец 1911

Мец А. Г., *Осип Мандельштам и его время*, 2-е изд., испр. и доп., С.-Петербург, 1911 (цит. по Интернет-изданию: Мец А. Г., *Осип Мандельштам и его время*, 2011: http://www.ruthenia.ru/reprint/Mets_Mandelshtam.pdf; последнее обращение: 18.07.2018).

Сегал 1972

Сегал Д. М., «О некоторых аспектах смысловой структуры «Грифельной оды» О. Э. Мандельштама», *Russian Literature*, 1, 2: Special issue devoted to the poetry of Osip Mandel'shtam, 1972, 49–102.

Успенский 2004

Успенский Б. А., *Часть и целое в русской грамматике*, Москва, 2004.

Ronen 1983

Ronen O., *An Approach to Mandel'shtam*, Jerusalem, 1983.

References

Gasparov M. L., «Grifel'naia oda» Mandel'shtama: istoriia teksta i istoriia smysla», *Philologica*, 2, 3–4, 1995, 153–193.

Ronen O., *An Approach to Mandel'shtam*, Jerusalem, 1983.

Segal D. M., «O nekotorykh aspektakh smyslovoi struktury "Grifel'noi ody" O. E. Mandel'shtama», *Russian Literature*, 1, 2: Special issue devoted to the poetry of Osip Mandel'shtam, 1972, 49–102.

Uspenskij B. A., *Chast' i tseloe v russkoi grammatike*, Moscow, 2004.

Zaliznyak A. A., *Russkoe imennoe slovoizmenenie*, Moscow, 1967.

Zaliznyak A. A., *Grammaticheskii slovar' russkogo iazyka: Slovoizmenenie*, Moscow, 1977.

Борис Андреевич Успенский, проф., д. филол. наук

Национальный исследовательский университет «Высшая школа

экономики», Факультет гуманитарных наук, Школа филологии, заведующий

Лабораторией лингвосемиотических исследований

105066 Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4, стр. 1

Россия/Russia borisusp@gmail.com

Received May 15, 2018